

После окончания седьмого класса в интернате МВТ (1967 год) и пары месяцев пребывания в Туле папа получил новую квартиру в одном из переулков Арбата. Ой, в Туле было интересно. С прежними друзьями, из которых я помню только Герку, мы бегали купаться на речку, загорали. А в моём доме на улице Льва Толстого обнаружилась девочка моего возраста по имени Тамара, с которой мы вместе гуляли. Она с грустью рассказывала мне, как её не любят в классе, называют «воблой»... Я не то что влюбился в Томку, но проникся к этой одинокой, худенькой и довольно страшенькой (на мой вкус) девчонке, которая бесстрашно крутила «солнышко» на качелях. И меня научила! А жила она выше нас на один этаж. Ну вот: она мне спускала ниточку, к которой я привязывал какие-то мелочи, привезённые родителями из-за границы. То бандажик для волос (нейлоновый!), то какой-нибудь бантик (импортный, естественно, таких в Союзе не было!), то конфетку. За это она на лестнице потом сама меня целовала... В щёчку... Маленькие мы были ещё... Это сейчас — акселерация...

А потом... Потом мы переехали в Москву. Родители записали меня в близлежащую школу, купили ве-

лосипед «Орлёнок» и предоставили самому себе, так как оба работали. Гулять было не с кем — все на отдыхе в пионерских лагерях да на дачах, и я целыми днями гонял на велике по близлежащим улицам и переулкам, изучая ареал своего обитания. Надо сказать, что вокруг, с точки зрения мальчишки, было на что посмотреть: как раз шёл интенсивный снос старых, ещё дореволюционной постройки, одно— и двухэтажных домов, в большей части деревянных, а на их месте разворачивалось строительство жёлтокирпичных многоэтажек, как тогда говорили, «цековских». Охранников ещё не придумали, бомжей не было в принципе, так что — раздолье. Когда надоедало кататься, я с упоением лазал по стройкам и старым домам. А там частенько я находил всякие старинные штучки: то подсвечник, то ложку, то медную дверную ручку с головой льва...

И вот в один благословенный день, исследуя полуразрушенный дом, я заметил невдалеке двух девчонок чуть младше себя, в простеньких платьицах (штанов девочки тогда просто не носили, только если трусики — так и то только на физру), одна светленькая, в белых гольфах, как потом выяснилось — Алла; другая — тёмненькая, почему-то в

синих колготах «в резиночку», хотя жара стояла градусов под тридцать, — Ира. Остальное даже не описываю, да и не помню уже: так — девчонки, как девчонки, не худые и не толстые, в меру симпатичные, любопытные мордашки...

Мы некоторое время смотрели друг на друга, а потом — ну какие девчонки могли поступить иначе — чувствуя свою безнаказанность, они начали надо мной издеваться: беленькая стала корчить мне рожицы, а тёмненькая и вовсе показывала язык. Этого я, конечно, вытерпеть никак не мог и, с намерением поймать нахалок, сиганул в окно и погнался за ними. Они стали улепетывать, надо сказать, очень резво, только пятки сверкали. Это зрелище меня только подстегивало, уж очень хотелось надавать им по попам. Однако всякие дырки-лазы-подворотни они знали получше, чем я, и гоняться за ними пришлось долго, пока они совсем не выдохлись (а ведь домой не убежали, хотя могли бы, но не было у них, видно, таких намерений, они же тоже играли!). Взмокших, тяжело дышащих, я, наконец, загнал их в какой-то тупичок-подвальчик и ухватил тёмненькую за талию. Вторая отскочила в сторону. Я думал — убежит, начнет орать, но поговорку о двух зайцах хорошо помнил и держал Ирку крепко. Нет, не убежала, подружку «в беде» не бросила.

Я устало опустился на какой-то обломок, продолжая держать тёмненькую за талию, крепко прижимая к себе. Ей ничего не оставалось, как плюхнуться ко мне на

коленки. Она и не сопротивлялась. В этом подвальчике пахло мочой и кошками, зато было прохладно. Постепенно мы отдышались, причем за это время я успел положить руку на восхитительный упругий бугорок (ноль внимания) и сказать при этом:

— Ух ты, как сердцу бьётся, того и гляди выскочит!

— Не выскочит, — коротко ответила Ира.

— Ну что, теперь познакомимся? — спросил я.

— Вот ещё! — фыркнула беленькая, однако ответила с ехидцей. — Которая на коленках сидит — Ира, которая стоит — Алла.

Я назвал своё имя: Игорь. Ирка молчала как рыба об лёд.

— А я сейчас закричу, — почти шепотом проговорила она вдруг.

Алла с любопытством уставилась на неё.

— А вот и не закричишь! Я знаю, что сделаю: я тебе ротик поцелуем закрою, — отвечал я, сам поражаясь своей наглости, ведь ещё никогда САМ не целовал девочек. Тем более не держал на коленях. Так, бывало иногда, как у всех: на перемене тронешь какую-нибудь за «буфера», рискуя получить портфелем по голове, или подножку дашь, чтобы трусы посмотреть.

— А я знаю, а я знаю — ты влюбился! Влюбился! — закричала Аллочка, подпрыгивая на месте и не забывая руками придерживать коротенькую юбочку.

Ирка молчала, только сопела. Такой поворот дела меня озадачил: как и все в этом возрасте, конечно, рань-

ше был влюблён, но дальше записок и всяких мелких приятных сюрпризов (например, конфетку в портфель подложить, а потом наблюдать за реакцией) дело не заходило. А тут... Ну, решил разобраться с этим позднее, а сейчас промышчал что-то невразумительное и решил: будь что будет, поцелую! Более всего меня тревожили мои уши: я чувствовал, что они потяжелели на килограмм каждое и горят ярким пламенем.

Но ведь надо же когда-то начинать! Развернул Ирочку к себе и, обняв за спину, стал медленно приближать губы к её роту.

— Кричи! — она смотрела на меня встревоженными тёмными глазами и... молчала.

Краем глаза я видел Аллку: она аж вытянулась вся, широко распахнула глаза, раскрыла рот и покраснела, да как! Пунцовая стала!

Медленно приблизил губы к Иркиной мордочке, и она, наконец, закрыла глаза, а я коснулся её мягких, влажных губок. Она опять же не отвернулась, хотя и не отвечала мне (не умела, тоже ведь в первый раз). Про ту бурю чувств и про то, куда ухнуло моё сердце, писать не буду. Все-таки первый поцелуй — это не хухры-мухры. Пока я торопливо обсасывал её губы (уж как умел, знаете ли, обучался на ходу, хотелось изобразить из себя такого многоопытного), на ум неожиданно пришла где-то слышанная сентенция о том, что «нос мешает целоваться». И я её, неожиданно сам для себя, озвучил! Аллочка рассмеялась, даже Ирочка улыбнулась, облизнула об-

слюнявленные губки и посмотрела на меня. Напряжение было снято.

— Алла, ну смотри, — сказал я и начал нарочно целовать Ирку так, чтобы наши носы мешали друг другу.

Ирка не выдержала и прыснула. Аллка опять рассмеялась. Лёд окончательно был растоплен, и мы стали болтать о том, о сём...

По ходу дела выяснилось, что девчонки все разъехались на лето, что Иру тоже через неделю (Ох!) увезут в деревню, что Алла останется в Москве на всё лето (Ах!), что живут они в соседнем доме, в огромной коммунальной квартире, родители их работают на заводе, и частенько в ночную смену, тогда девчонки спят вместе, чтоб не страшно было, что перешли они в шестой класс **-й школы (но не моей), что мы ещё обязательно встретимся и поиграем (Ух ты!), что они, конечно, никому не расскажут, что Ирка целовалась (Ф-фух!). Вопрос о том, почему она в колготках в такую жару, я решил оставить на потом.

Тут девчонки резко засобирались домой, боясь, что их будут искать, и мы разошлись. До следующего раза.

В течение следующих дней мы встречались регулярно (видно, всем понравилось), и сюжет наших общений был один, как в «Ну, погоди!»: девчонки убегали, я догонял, и догонял ведь! Но, правда, не так быстро мы бегали, как в первый день. Скорее, это было похоже на игру в прятки. И вот в один прекрасный день Ира в колготках сидела, как обычно, у меня на коленках, я (уже привычно!) гладил её коленки, Аллка,

как обычно, стояла, скрестив ноги, и несла всякую девчачью ерунду. Я, наконец, выждав момент, когда она набирала в грудь воздух, чтобы тараторить дальше, задал давно интересующий меня вопрос: почему в такую жару её подруга всегда в колготках? Ирка засопела и отвернулась, а Аллка засмеялась, запрыгала и затараторила:

— А она всегда так, ещё с прошлого лета, у неё волосики чёрные на ногах выросли, она их и стесняется, говорит — как обезьянка, вот!

Ира краснеть не умела, она только засопела громче, уши стали горячие (я почувствовал!) и завертелась у меня на коленях:

— Ну, Аллочка, я тебе припомню!

Я, конечно, обалдел, но судорожно начал думать, как можно помочь такому «горю». Для начала я попросил девчонку снять колготы и показать свои волосики, говоря при этом, что мы придумаем, как ей помочь. Она наотрез отказалась. Тут неожиданно подскочила Аллка, со смехом завалила Ирку на меня и начала стаскивать эти злополучные колготы: теперь коричневые «в резиночку», Ирка, сопя, брыкалась, но мы были сильнее. Девочка неожиданно заплакала. Горькими слезами. Мы её хором успокаивали, я гладил по головке... А ниже коленок действительно росли чёрные волосики, и мы стали думать, что можно сделать. Я тут же предложил просто побрить:

— У папы такая классная безопасная бритва! Импортная! Я сейчас притащу! Слезы сразу высохли:

— Я боюсь! (И правильно! Те-

перь-то знаю, что выросли бы ещё гуще! И кололись бы...). Думай, голова, шапку куплю! Одна девчонка смотрела на меня с надеждой, другая — с любопытством. И вдруг сообразил: ведь моя мама, блондинка, слегка русая в натуре, всё время обесцвечивает корни волос перекистью водорода, ПЕРГИДРОЛЕМ! Как мне бабушка рассказывала, это ещё с армии: там он для обеззараживания ран применялся, а ещё им девушки обесцвечивали тёмные волосы. А для лечения раненых имелся красный стрептоцид, теперь такого нет в принципе, а тогда девушки растворяли его в воде, замачивали волосы после обесцвечивания, и они через некоторое время становились золотисто-рыжими). Велика народная мудрость!

— Придумал! Я сейчас принесу таблетку пергидроля, и мы их обесцветим, смотри, у Аллки ведь тоже есть волосики, только они светлые, их и не видно — я с удовольствием погладил Аллку по ножке, она даже и не рыпнулась — настолько была заинтересована новой игрой.

— А это не больно? — с сомнением спросила Ира, услышав «страшное» незнакомое слово.

Я убеждал, что нет, я на себе попробую, и даже на Аллке (которая согласилась), потом мухой побежал домой — за таблеткой и стаканом воды.

Прибежав обратно, аж запыхавшись, я стал «химичить». Зашипело, пошли пузырьки. Ира снова испугалась, а более бойкая Алла сказала:

— Давай, попробуй на мне! Я не облезу?

Я помазал её ногу принесённой ваткой, было не больно.

— Давай, Ир?

Тяжёлый вздох:

— Давай.

Намазали ноги. Теперь надо ждать пятнадцать минут, как минимум, результата. Ждём (мочил ещё несколько раз). Девчонки молчат. Только глядят с интересом, как химия делает своё дело. Ура! Все получилось! Я был горд сам собой, что так здорово придумал. Научил Ирочку, что это ей пионервожатая из школы сделала, погладил по обновлённым ножкам, поцеловал на прощание в губки, и мы разошлись. Колготы она больше не надевала — жарко же!

Как-то раз я встретил девчонок на улице с их родителями. Аллочка стала, увидев меня, пунцовая. А Ирочка (в носочках!) просто отвернулась...

Да, это была, конечно, не любовь, а, как сказал кто-то из великих, «исследование любви».

Потом её увезли в деревню, зато появился живущий в нашем доме на восьмом этаже Андрюша Майорец (Царствие ему небесное!) и на долгое время стали мы не разлей вода. У него тоже был велосипед. А с этими девочками я больше не встречался и не бегал по старыми домам.

Такая вот история из детства вдруг всплыла в памяти... Навечная, кстати, новеллой П. Кренёва «Звёздочка моя ясная», опубликованной в этом номере журнала. Если кому интересно, можно почитать другие истории из моей жизни в журнале (альманахе) «Литературные знакомства» №№ 1, 3, 4 2017; №№ 1, 3–6 2018; №№ 4, 5 2019; № 3 2020 гг. на сайте нашего журнала www.litznak.org.